

*На правах рукописи*



**Еленская Кристина Валерьевна**

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «НАСИЛИЕ»  
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Москва – 2023

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования  
«Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»

**Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор  
**Еремин Александр Николаевич**

**Официальные оппоненты:**

**Черняк Валентина Данииловна**, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», кафедра русского языка, профессор.

**Стародубец Светлана Николаевна**, доктор филологических наук, доцент, филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове, кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин, профессор.

**Ведущая организация:** федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород).

Защита состоится «20» апреля 2023 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.292.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», по адресу: 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» и на официальном сайте: <http://www.pushkin.edu.ru/>.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»:  
[https://www.pushkin.institute/science/dissovet/detail.php?ELEMENT\\_ID=32369](https://www.pushkin.institute/science/dissovet/detail.php?ELEMENT_ID=32369)

Автореферат разослан « \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2023 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета,  
доктор филологических наук



Э.А. Китанина

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа является результатом осмысления семантики понятия «насилие» и ее представленности в современных словарях русского языка. В основе теоретического осмысления заявленной проблемы лежат методы системно-структурной лингвистики.

В работе рассматривается понятие «насилие» на лексико-прагматическом уровне языка с учетом особенностей функционирования лексем семантического поля «насилие», а также описываются особенности реализации языкового насилия в разных дискурсивных практиках. Данное исследование учитывает достижения в области прагматики знака и служит основанием расширения лингвокультурного аспекта русского национального языка, что соответствует пунктам 4, 7, 10 перечня направлений исследований научной специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России.

Лексема «насилие» и составляющие одноименного семантического поля нередко семантически сближаются с понятием «агрессия». Несмотря на имеющееся сходство, феномен агрессии представляет собой отдельное поле для изучения и не является предметом нашего исследования. Упоминание лексемы «агрессия» в нашей работе обусловлено необходимостью противопоставить понятия «агрессия» и «насилие».

По нашему мнению, понятие «насилие» следует рассматривать через призму неоднозначности. Такой подход представляется нам обоснованным и актуальным, так как есть языковые единицы, не укладывающиеся в бинарную оппозицию оценки «это хорошо» или «это плохо», а отклоняющиеся от нее, в т.ч. ввиду различий в укладах социума, характеризующегося своей неоднородностью. Это уход от оценки внешней картины мира в область внутреннего мира человека.

**Актуальность диссертационного исследования.** Современное общество заявляет в качестве приоритетных целей создание комфортной среды для каждого члена социума вне зависимости от пола, финансового положения, национальности, возраста, вероисповедания и уровня здоровья, закрепляя права и свободы индивида в законодательных актах.

Однако человеку по-прежнему свойственны различные формы насилия, что значительно снижает качество социальной среды. В связи с этим возникает необходимость в тщательном изучении сущности и границ понятия «насилие», недостаточная определенность которого очевидна.

Это подтверждается, в частности, результатами социологического опроса, проведенного нами среди старшеклассников, студентов и работающих в разных сферах деятельности жителей города Калуги.

В связи с тем, что понятие «насилие» не получило достаточной лингвистической обработки, оно остается нечетким в общественном сознании. Вследствие этого существует настоятельная лингвопрагматическая необходимость в строгом определении содержательной стороны понятия «насилие».

**Состояние разработки данной проблематики.** В данном исследовании мы опираемся на практические наблюдения и теоретические выводы следующих ученых: Ю.Д. Апресяна, 1995; В.И. Карасика, 2000; Р.Г. Апресяна, 1997; О.П. Ермаковой, 1996; В.В. Виноградова, 1982; А.И. Кугая, 2000; Ю.В. Щербининой, 2012; С.Г. Кара-Мурзы, 2013; Л.Р. Газизулиной, 2013, 2017; М.Н. Эпштейна, 1991; В.В. Бочаровой, 2012; Б.К. Мартыненко, 2010, 2012; В.В. Денисова, 2008; В.И. Красикова, 2008; Е.П. Ильина, 2013; С.Н. Борисова, 2012; О.В. Башкатова, 2001; К.В. Безручко, 2007; О.Я. Гелих, 2004; Х. Арендт, 2014; А.М. Олешковой, 2020; С. Жижика, 2010; В.В. Корнева, 2007; Ф.В. Тагирова, 2008; А.Я. Флиера, 2012; А.А. Суркова, 2015; И.Н. Сидоренко, 2017; Б.Я. Шарифуллина, 2004; Л.В. Бутыльской и О.А. Коврижных, 2015; К.В. Злоказова, 2018.

Несмотря на то, что понятие «насилие» регулярно становится предметом исследований в области философии, социологии, юриспруденции, психологии и др. наук, комплексных лингвистических исследований указанного понятия и его репрезентации в русском языке крайне мало.

**Объектом** нашего исследования являются лексемы, выражающие содержание понятия «насилие», отобранные методом сплошной выборки из лексикографических источников, а также лексемы и сверхсловные единицы, способные при определенных условиях стать средствами языкового насилия.

**Предметом** исследования являются семантика и прагматика указанных лексем, а также речевые условия, при которых слова и сверхсловные единицы будут функционировать как средства насилия.

**Языковой материал** был отобран из следующих лексикографических источников: БАС; БТС; МАС; Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова; Большой толковый словарь современного русского языка Д.Н. Ушакова; Современный толковый словарь русского языка в 3 томах Т.Ф. Ефремовой; Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля; Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Для исследования было выделено более 300 лексем, потенциально или реально репрезентирующих понятие «насилие» в русском языке. Источниками примеров, приведенных в данном исследовании, послужили тексты из Национального корпуса русского языка [Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>], отечественной художественной

литературы второй половины XX – нач. XXI вв. и периодических изданий за 2018 – 2022 гг.

**Гипотеза исследования** состоит в следующем:

1. Лексическая репрезентация понятия «насилие» представлена обширным лексико-семантическим полем слов, включающим в себя лексико-тематические группы «субъект насилия», «объект насилия», «форма насилия», «наименования насильственных действий»;
2. Семантика и прагматика лексем, представляющих лексико-семантическое поле «насилие», могут быть неоднозначными в зависимости от интересов социальных групп и отдельных индивидов;
3. Не существует таких лексем и сверхсловных единиц, которые могли бы при любых обстоятельствах быть использованы в качестве средства языкового насилия.

**Цель диссертационного исследования** – разносторонне рассмотреть лексическую репрезентацию понятия «насилие» в современном русском языке и доказать релятивный характер указанного понятия посредством компонентного анализа лексем, репрезентирующих его в русском языке.

В рамках указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) Определить содержательные характеристики лексемы «насилие»;
- 2) Дифференцировать понятие «насилие» и смежный с ним тематический ряд «агрессия»;
- 3) Выяснить, как понятие «насилие» реализуется в языковом сознании представителей некоторых социальных групп (на примере старшеклассников, студентов и работающих жителей города Калуги);
- 4) Рассмотреть, как в современном русском языке реализуется лексическая репрезентация субъекта, объекта, формы, инструмента и места насилия;
- 5) Рассмотреть релятивность восприятия семантики лексической единицы «насилие» и одноименного семантического поля в социокультурной среде;
- 6) Определить условия, при которых отдельные лексем и сверхсловные единицы, используемые в различных дискурсах, превращаются в средства языкового насилия.

**Личный вклад** соискателя в разработку исследуемой проблемы состоит в следующем: сформулирована и подтверждена на практике идея того, что для идентификации лексемы как репрезентанта понятия «насилие» в русском языке требуется наличие в ней трех базовых интегральных сем («принуждение», «противозаконность» и «общественное неприятие»);

доказано, что восприятие понятия «насилие» носит релятивный характер и зависит от многих лингвистических и экстралингвистических факторов.

**Научная новизна** данного исследования заключается в оригинальном и во многом авторском подходе к изучению лексической репрезентации понятия «насилие» в русском языке:

- Найдены лингвистические закономерности, позволяющие идентифицировать репрезентацию понятия «насилие» в языке;
- Установлены условия, при которых отдельные лексемы и сверхсловные единицы, используемые в различных дискурсах, превращаются в средства языкового насилия.

**Методология исследования.** Для достижения цели исследования и решения поставленных задач были использованы следующие методы:

1. Метод сплошной выборки, в контексте данного исследования заключающийся в отборе случаев использования языкового явления в лексикографических источниках и Национальном корпусе русского языка;
2. Метод семантического поля и метод описания по лексико-тематическим группам;
3. Метод компонентного анализа, предполагающий выделение и описание эксплицитных, имплицитных, интегральных и дифференциальных сем в значениях лексем-репрезентантов насилия, входящих в одноименное семантическое поле, а также анализ прагматической зоны значения вышеуказанных слов;
4. Метод дефиниционного анализа;
5. Метод контекстуального анализа;
6. Метод социологического опроса, заключающийся в сборе и анализе первичных эмпирических сведений и мнений относительно понимания сущности явления, называемого лексемой «насилие», а также лексем, называющих, по мнению респондентов, насильственные действия.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Характер подачи значений лексической единицы «насилие» в различных лексикографических источниках имеет свою специфику, обусловленную релятивностью восприятия явления, называемого указанной лексемой.
2. В семантике лексемы «насилие» и языковых единиц, входящих в одноименное семантическое поле, эксплицитно или имплицитно выделяются три базовые интегральные семы: «принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие».

Вместе с этим для однозначной квалификации того или иного общественного действия как насилия необходим учет таких составляющих, как «субъект насилия», «наименование насильственного действия», «объект насилия». Каждое из них может быть выражено как очевидным образом, так и неявным способом.

3. Восприятие действий как насильственных/ненасильственных детерминировано в том числе принадлежностью воспринимающего лица к той или иной социокультурной группе, которая отличается особенностями национального и/или религиозного самосознания. На прагматическом уровне языка это выражается в элиминации некоторых базовых интегральных сем в лексемах – потенциальных репрезентантах насилия. Таким образом, без анализа прагматической зоны значения слова невозможно однозначно заявлять, репрезентирует ли конкретная лексема понятие «насилие» или нет.
4. Отдельные лексемы и сверхсловные единицы, которые могут при любых обстоятельствах считаться средствами языкового насилия, отсутствуют.
5. Лексическая репрезентация понятия «насилие» в современном русском языке имеет относительный характер.

**Теоретическая значимость результатов исследования** определяется разработкой универсального подхода в вопросе идентификации лексической репрезентации понятия «насилие» в современном русском языке, а также возможностью проецировать полученные результаты на теоретическое осмысление семантики и прагматики смежных лексико-тематических групп.

**Перспективы практического применения результатов** проведенного исследования состоят в возможности использования его материалов в практике межкультурной коммуникации для создания толерантной мультинациональной среды, а также в практике обучения русскому языку как иностранному. Размышления на тему сущности насилия и лексической репрезентации понятия «насилие» могут быть полезны и в юридической практике, а также в ходе проведения судебных лингвистических экспертиз, поскольку выявляют различные интерпретации понимания данного внеязыкового явления.

**Степень достоверности** теоретических и практических результатов исследования подтверждается применением научных методов исследования, значительным объемом проанализированного лингвистического материала, а также апробацией результатов исследования.

**Апробация результатов исследования.** Основные положения и результаты исследования были представлены:

- 1) В докладах на международных конференциях:

- А. «Семантика и прагматика языковых единиц», КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, 20-22 сентября 2019 г.;
- Б. Международный Оптинский форум «Феномен подвига в отечественной культуре», Духовная образовательная организация высшего образования «Калужская духовная семинария Калужской Епархии Русской Православной Церкви», 22-23 октября 2019 года;
- В. XXI Международная конференция молодых филологов «"Как слово наше отзовется": о языке и литературе в XXI веке», г. Таллин, 13-15 февраля 2020 года;
- Г. «Автор-текст-читатель: теория и практика анализа» в рамках Седьмых научных чтений «Калуга на литературной карте России», КГУ им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, 29-31 октября 2020 года;
- Д. V Международная научно-практическая конференция «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура», 22-23 апреля 2021 г., г. Москва, РУДН.
- Е. Международная научная конференция «Проблемы лингвистической прагматики», КГУ им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, 10-12 сентября 2021 г.
- Ж. Международный конгресс «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве», Российско-Армянский университет, Республика Армения, г. Ереван, 06-10 декабря 2021 г.
- З. Международная междисциплинарная научная конференция «Россия и мир: транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур», г. Москва, МГПУ, 22 апреля 2022 г.
- И. Международная научно-практическая конференция «Роль и статус языка в цивилизованном пространстве», г. Санкт-Петербург, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, 14-15 ноября 2022 г.
- 2) На городских и областных конкурсах научных работ:
- А. Конкурс на соискание областных премий и стипендий им. К.Э. Циолковского, проводимый Министерством образования и науки Калужской области (Постановление Правительства Калужской области №9 от 6 августа 2021г. «О присуждении областных премий и стипендий имени К.Э. Циолковского в 2021 г.»);
- Б. Конкурс на соискание премии Городской Управы города Калуги молодым ученым города Калуги.

Основные положения и результаты исследования изложены в 9 публикациях общим объемом 2,76 п.л., 5 из которых — в изданиях, рекомендованных ВАК.



Структура диссертационного исследования обусловлена поставленной целью, выделенными в рамках цели задачами, спецификой языкового материала и представлением о логике изложения. Текст исследования состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, списка иллюстративного материала и приложения. Общий объем диссертации — 173 страницы, список литературы насчитывает 167 наименований.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснован выбор темы диссертации, ее актуальность и научная новизна, определены объект, предмет, цель, задачи, методы, материалы исследования, методологическая база, теоретическая значимость и практическая ценность работы, обозначена гипотеза исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретические аспекты исследования лексической репрезентации понятия ‘насилие’**» представлен лексикографический анализ лексемы «насилие»; дифференцированы понятие «насилие» и смежный с ним тематический ряд «агрессия»; проанализированы результаты социологического опроса, проведенного среди представителей разных социальных групп, проживающих в городе Калуге, на предмет понимания того, как респонденты толкуют лексему «насилие», и выявления ряда лексем, которые, по мнению интервьюируемых, называют насильственные действия; представлен обзор литературы по теме исследования.

В параграфе 1.1. «**Лексикографический анализ лексемы насилие**» проанализированы словарные статьи лексемы «насилие», содержащиеся в современных толковых словарях (БАС, МАС, БТС, словарях С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, Т.Ф. Ефремовой, Н.Ю. Шведовой), а также в некоторых словарях XIX века (словарь церковно-славянского и русского языка 1847 года [1], словарь В.И. Даля [2]). Проведенный анализ словарей XIX века позволяет утверждать, что компоненты значения производной лексемы «насилие» мотивированы такими значениями производящей лексемы «сила», как «3. Власть, могущество, влияние. 9. Насилие» [1], «Власть, могущество, влиянье, владычество, чисто нравственное или поддержанное страхом кары. <...> Силить, неволить, приневоливать, нудить, принуждать, заставляя силою» [2]. Эти сведения дают основание выделить в лексеме «насилие» семы «власть» и «принуждение». В современных толковых словарях, помимо указанных исходных сем, фигурирует сема «противозаконность» и фиксируется новая сема – «противоестественность», т.е. отхождение от нормы.

В современном русском языке принципиальных изменений в области толкования лексемы «насилие» нами не было выявлено. Еще в словарях XIX века под лексемой «насилие» понималось **любое** (не только физическое)

незаконное принудительное воздействие одного субъекта на другой («насилие - принуждение к чему-либо силой и вопреки законам» [1], «насилие - принуждение, неволя, нужда, силованье; действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное» [2]). Эти же значения фиксируются и современными толковыми словарями.

Однако следует обратить внимание на ряд отличий между лексикографируемыми языковыми единицами в толковых словарях XIX века [1; 2] и современных толковых словарях:

- 1) В современных толковых словарях наблюдается значительное сокращение словообразовательного ряда, исходным словом которого является *насилие*. Так, словарь В.И. Даля и словарь церковнославянского и русского языка 1847 года фиксируют следующие архаичные лексемы: *насиливание* («действие насиливающего» [1]), *насилиться/насилываться* («быть насилуемым» [1]), *насильство* («то же, что насилие» [1]), *насильчивый* («склонный к насилиям» [2]), *насильщина* («насилие, насильство; состоянье, быт, жизнь под гнетом» [2]) и др.
- 2) В современных толковых словарях наблюдается устранение языковых дублетов, например, таких как *изнасиление / изнасильничание / изнасильствование* («действие изнасилывшего» [1]).
- 3) Использование феминитивов, акцентирующих внимание на том, что автором насилия является женщина (встречается только в словаре В.И. Даля): *насильница, насильщица, насиловательница*.
- 4) В МАС и словаре Д.Н. Ушакова наблюдается маркирование насилия маскулиным началом: «насиловать – 2. (сов. изнасиловать) Силой принуждать (женщину, женщин) к половому акту»; «изнасиловать – 1. Насилием принудить (женщину) к половому акту».

Лексема «насилие» фиксируется не только в лингвистических, но и в энциклопедических словарях. Так, например, Большая медицинская энциклопедия (1974-1989) толкует насилие как «воздействие на человека различных факторов окружающей среды, к-рые, нарушая физиологические функции или анатомическую целостность тканей и органов, приводят к расстройству здоровья или к смерти»; философский энциклопедический словарь под ред. Л.Ф. Ильичёва (1983) фиксирует следующее толкование: «насилие – применение тем или иным классом (социальной группой) различных, вплоть до вооруженного воздействия, форм принуждения в отношении др. классов (социальных групп) с целью приобретения или

сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий» и т.д.

Таким образом, характер подачи значений лексической единицы «насилие» в различных лексикографических источниках имеет свою специфику, обусловленную релятивностью восприятия явления, называемого указанной лексемой.

Понятие «насилие» сближается с понятием «агрессия», поскольку они оба подразумевают действия наступательного характера и предполагают отрицательное воздействие на адресата. Однако несмотря на их близость, можно выделить следующие отличительные черты:

- 1) Наблюдаются различия в семной структуре слов: если в семантике лексемы «насилие» выделяются семы «принуждение», «власть», «противозаконность», «протivoестественность», то в семантике лексемы «агрессия» – «враждебность», «нападение», «вторжение».
- 2) В своей совокупности семы, содержащиеся в семантике лексемы «насилие», позволяют утверждать, что насилие всегда предполагает пренебрежение общественными рамками, а агрессия может реализовываться внутри них.
- 3) Автором, или субъектом, насилия может выступать только человек, а агрессия характерна как человеку, так и животному (ср. *эта собака проявляет агрессию* и *\*эта собака намеривается совершить насилие*).
- 4) Как правило, насилие не может быть направлено на неодушевленные объекты (за исключением случаев применения метонимического смещения).
- 5) Агрессию могут сопровождать приступы неконтролируемых негативных эмоций (*озвереть, наброситься, расшвырять, остервеневший* и т.п.). Насилие, в свою очередь, может совершаться и в ситуациях, когда человек находится в абсолютном спокойствии.

Ср.:

– Когда это случилось впервые, я *набросился* на него *в гневе*: «Сэр, что это значит?» [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]

– Затем самый старший из шайки мучителей, 17-летний местный парень, вооружился осколком стеклянной бутылки и, пока остальные безучастно смотрели на расправу, *хладнокровно перерезал* девочке *горло*. [Школьники перерезали горло 10-летней девочке за критику // «Московский комсомолец» в Нижнем Новгороде, 2004.07.30]

В параграфе 1.2. Понятие «насилие» в общественном сознании (по материалам результатов социологического опроса, проведенного среди

**представителей нескольких социальных групп, проживающих в городе Калуге)»** представлены результаты социологического опроса, в котором приняли участие 150 респондентов (24 старшеклассника, 76 студентов и 50 человек в нескольких возрастных группах, являющиеся представителями различных профессий).

Опрос проводился среди добровольцев и представлял собой анкету, содержащую два вопроса:

1. Что вы понимаете под словом «насилие»?
2. Перечислите такие слова, которые, по вашему мнению, обозначают/называют насильственные действия.

Результаты опроса не выявили существенной корреляции между ответами респондентов и их отнесенностью к той или иной социальной группе и показали, что в сознании участников опроса не определены четкие границы понятия «насилие».

В параграфе **1.3. «Понятие «насилие» в контексте современных исследований в области общественных и гуманитарных наук»** представлен обзор литературы по теме исследования.

Рассмотрев наивное представление о понятии «насилие», основанное на данных социологического опроса, и научное понимание этого явления, основанное на анализе научных работ, можно выделить некоторые различия:

- 1) В наивной картине мира понимание насилия сводится к «ближайшему» (в терминологии А.А. Потебни) значению лексемы «насилие», которое фиксируется и толковыми словарями русского языка. Это наблюдение дает основание считать, что в толковых словарях содержится отражение наивной картины мира носителей языка. Представление о насилии в научной картине мира опирается на «дальнейшее» значение слова, расширяющее объем указанного понятия. Так, под насилием начинает пониматься еще и «способ разрешения конфликта» [Бочарова, 2012, с.7, 11]; «способ самозащиты и спасения от агрессивных насильственных действий, способ их предупреждения» [Денисов, 2008, с. 44]; сила, «которая вызывает в субъекте-объекте необратимые изменения» [Башкатов, 2001]; явление, которое «контекстуально в своих проявлениях» [Кугай, 2000, с.4] и «имеет онтологическую природу» [Олешкова, 2020, с. 108] и т.д.
- 2) Представление о понятии «насилие» в наивной картине мира во многом основано на личном опыте и личных ассоциациях среднестатистического носителя языка, что подтверждается списками лексем-репрезентантов насилия, приводимыми респондентами в ходе социологического опроса.

Во второй главе «Лексическая репрезентация понятия «насилие» в современном русском языке» представлен лингвистический паспорт лексемы «насилие» и одноименного семантического поля; рассмотрена лексическая репрезентация субъекта, объекта, формы, инструмента и места насилия; произведен анализ некоторых частей речи с точки зрения их возможности/невозможности репрезентировать понятие «насилие» в русском языке.

В параграфе 2.1. «Лингвистический паспорт лексемы «насилие» и одноименного семантического поля» выведены два определения насилия: в широком и узком смыслах, а также дано обоснование принципа выбора языкового материала для работы.

Проанализировав толкования лексемы «насилие» в различных лингвистических словарях русского языка, мы можем утверждать, что в широком понимании под насилием понимается физическое или духовное, прямое или опосредованное, явное или скрытое, намеренное или случайное воздействие на человека, которое нарушает его свободу, вытекающую из его физической и социальной природы. Однако если слепо следовать этому определению, мы приходим к выводу, что наша повседневная жизнь во многом строится на насилии. Чтобы избежать подобного, целесообразнее сформулировать определение насилия в узком его понимании и положить данное определение в основу исследования: *насилие* – это принудительное воздействие, ограничивающее объект насилия в законных правах и свободах и подвергающееся отрицательной оценке со стороны социума. Подобное толкование было зафиксировано еще в словаре церковно-славянского и русского языка 1847 года («насилие – принуждение к чему-либо силой и вопреки законам»).

Изучив ряд толкований лексемы «насилие» в упомянутых выше словарях русского языка, мы посчитали необходимым выделить базовые интегральные семы, входящие в план содержания как лексемы «насилие», так и всех компонентов одноименного семантического поля. Таких сем было выделено три: «**принуждение**», «**противозаконность**» и «**общественное неприятие**». Они легли в основу **единого подхода** к поиску и анализу лексем, репрезентирующих понятие «насилие» в русском языке. По нашему мнению, наличие в лексеме всех трех сем позволит квалифицировать ее как репрезентант понятия «насилие» и отличить ее от компонентов смежных тематических рядов, в частности, ряда «агрессия».

Например, лексемы «озвереть», «наорать», «рассвирепеть», «ярость» называют действия или состояния наступательного характера, отрицательно воздействующие на адресата, содержат семы «враждебность» и «нападение»,

как и лексема «агрессия», однако не содержат семы «принуждение» и «противозаконность», поэтому, с нашей точки зрения, не могут считаться репрезентантами понятия «насилие».

В силу того, что настоящая диссертационная работа опирается на данные лексикографических источников, возникает необходимость обосновать принцип выбора исследуемого языкового материала.

В след за лексикографической практикой составления словарей русских синонимов, мы будем считать синонимами лексемы, вступающие в родовидовые отношения (логические отношения включенности и перечня). Отсюда следует, что синонимия создается способностью называть один и тот же класс денотатов (по Н.Д. Арутюновой). Так, лексема «насилие» имеет ряд синонимов, среди которых: *насилование, давление, принуждение, понука, деспотизм, тиранья*.

При отборе языкового материала мы опирались исключительно на формулировку, данную в различных толковых словарях русского языка. Работа велась только с теми лексемами, в толковании которых содержались или синонимы, или окказиональные синонимы слова *насилие*. Например:

- Линчевать – *подвергнуть самосуду, так наз. суду Линча, применяемому реакционной буржуазией США для зверской расправы с революционными деятелями* [Ожегов]; *игло – угнетающая, порабощающая сила* [Ожегов]; *угнетать – 1. Жестко притеснять, не давать свободно жить, эксплуатировать. 2. Мучить, отягощать сознание, душу* [Ожегов];

Лексемы *расправа, сила, притеснять, эксплуатировать, мучить*, содержащиеся в указанных выше толкованиях, вступают с лексемой «насилие» в синонимические отношения, поскольку семантически и стилистически ей очень близки.

- *Вивисекция – вскрытие живого животного, живого организма с научной целью* [Ожегов]; *кабала – перен. Полная, почти рабская зависимость* [Ожегов]; *эксплуатация – использование для каких-н. целей* [Ожегов]).

Лексемы *вскрытие, зависимость, использование* сближаются с содержанием лексем *насилие* только в определенном контексте и представляют собой ряд окказиональных синонимов.

Важно отметить, что все указанные выше слова сами по себе не являются средством насилия. Они могут лишь репрезентировать понятие «насилие» на лексико-прагматическом уровне.

Лексем-репрезентанты понятия «насилие» могут быть дифференцированы в зависимости от того, в какой сфере человеческой

жизнедеятельности осуществляется репрезентируемое ими насильственное поведение. Это может быть:

- Военная сфера: *расстрел, штурм, бомбить, блокада* и т.п.
- Сексуальная сфера: *изнасилование, насилловать, насильник, педофил, растление* и т.п.
- Религиозная сфера: *обрезание, инквизиция, распятие, крестовый поход, жертвоприношение, заклание* и т.п.

Известно, что лексика – наиболее чувствительный к изменениям в общественной жизни пласт языка. Говоря о лексической репрезентации понятия «насилие», следует учесть, что ряд лексем, фиксирующих в семантике некоторые формы насилия, перешли в разряд историзмов, поскольку называемые ими явления исчезли из жизни современного социума. Так, большая часть современной молодежи не сможет объяснить, что такое *крестовый поход*. Для их языкового сознания данная форма насилия не является актуальной. Этот ряд можно продолжить лексемами *инквизиция, инквизитор (в 1 знач.), четвертование, колесование* и т.д. И, напротив, в настоящее время в современный русский язык, особенно в его некодифицированные формы, активно проникают заимствованные лексемы, которые с некоторым допущением можно отнести к репрезентантам понятия «насилие» (*газлайтинг, абьюз, кэтколлинг, троллинг* и др.). В большинстве случаев значение таких лексем выражает формы психического (эмоционального) насилия над человеком, однако далеко не все они репрезентируют противозаконные и в целом не принимаемые обществом явления. Вероятно, факт массового включения в национальный язык таких неологизмов может свидетельствовать о том, что в социуме возникла потребность в словах, способных точно и емко называть явления, ограничивающие свободу отдельных его членов.

В параграфе **2.2. «Лексическая репрезентация субъекта и объекта насилия»** описаны составляющие семантического поля «насилие», являющиеся его основой: лексико-тематические группы «субъект насилия» и «объект насилия». Под субъектом насилия понимается лицо, совершившее или совершающее насильственное действие (*душител, убийца, маньяк, садист, террорист, эксплуататор, работорговец, рабовладелец, похититель, истязатель, шахид, боевик, шантажист, насильник, педофил, растлитель* и т.д.), а под объектом насилия – лицо, на которое указанные действия были направлены.

Важно отметить, что в качестве объекта взаимодействия насилие всегда предполагает одушевленное существительное (*расстрелять, угнетать, пытать* (кого?)). В противном случае ни противозаконность этих действий,

ни общественное неприятие не могут являться основанием отнести лексему к репрезентантам насилия в русском языке (ср. *спекулировать, коррупция, валютчик, казнокрад*: хотя сами действия являются противозаконными и порицаются обществом, данные лексемы не репрезентируют насилие, поскольку объектами взаимодействия являются чужая собственность или деньги, т.е. предметы, а не лица). Однако в ряде случаев наблюдается метонимическое смещение, реализующееся в возможности лексем со значением «предмет, на который направлено противозаконное действие» вступать в связь с лексемами со значением «лицо, являющееся объектом насилия». Такое возможно в трех ситуациях, когда предмет, на который направлено насильственное действие, называют:

- 1) Лексемы, обозначающие проявления высшей нервной деятельности человека, т.е. называющие те функции мозга, которые связаны с внутренним миром человека, его психикой (*память, эмоции, чувства, воля, мышление* и т.д.: *уничтожить память, растоптать любовь, надругаться над чувствами, подавить волю*);
- 2) Лексемы, репрезентирующие духовные ценности, догмы, культы и символы нации, социальной группы или отдельного человека (*осквернить могилу, уничтожить флаг страны, опорочить честь*);
- 3) Лексемы, называющие предметы, которыми кто-то владеет. В связи с этим в сознании говорящего насильственное действие направлено не столько на предмет, сколько на лицо или группу лиц, законно владеющих этим предметом.

На основании этого наблюдения были выделены лексемы – репрезентанты субъекта насилия, совершающего насильственные действия, *опосредованно* направленные на одушевленный объект. В данной группе можно выделить три подгруппы:

- Субъект насилия деструктивно воздействует на проявления высшей нервной деятельности человека (речь, мышление, сознание, память) (*манипулятор, насмешник*).
- Действия субъекта насилия направлены на уничтожение или порчу чужого имущества / ценности (*вандал, осквернитель, поджигатель, вредитель*).
- Действия субъекта направлены на присвоение чужого имущества (*вор, конокрад, аферист, мошенник, пират, мародер, грабитель, вымогатель, жулик, разбойник, колонизатор*).

Большинство указанных лексем, репрезентирующих субъект насилия, вступают в асимметричные отношения с лексемами, репрезентирующими объект насилия. Отдельно следует отметить, что если для многих форм



насилия существует соответствующее наименование субъекта насилия (*душить/удушение – душитель; убить/убийство – убийца; грабить/ограбление – грабитель*), то наименования объекта насилия чаще всего не мотивированы формой испытанного насилия (ср. универсальные и наиболее частотные *жертва, пострадавший* и применяемые только к конкретной форме насилия *раб, заложник, пленник, изгой*).

В параграфе 2.3. «Лексическая репрезентация формы, инструмента и места насилия» проанализированы лексемы, входящие в группы «формы насилия» (имена существительные), «наименования насильственных действий» (глаголы), «инструмент насилия».

Принято выделять несколько видов насилия, которые ниже будут проиллюстрированы лексемами, репрезентирующими возможные формы их реализации (прим.: психическое, эмоциональное и моральное насилие объединены в одном пункте из-за невозможности четко определить их границы):

- физическое (*расстрел, жертвоприношение, распятие, заклание, истребление, линчевание, самоубийство* и т.д.);
- психическое/ эмоциональное/ моральное (*надругательство, манипуляция, унижение, принуждение, шантаж, изгнание, диктат, осквернение* и т.д.);
- сексуальное (*изнасилование, педофилия, растление, домогательство*);
- экономическое (*мошенничество, мародёрство, разбой, разорение, рэкет, вымогательство*);
- вербальное (*оскорбление, клевета*).

Следует отметить лексемы, которые в зависимости от типа значения репрезентируют разные виды насилия: *пытка* - 1. Физическое насилие, истязание при допросе. 2. *перен.* Нравственное мучение, терзание (*книжн.*); *преследование* - 1. Следовать, гнаться за кем-н. с целью поимки, уничтожения. 3. *перен.* Подвергать чему-н. неприятному, донимать чем-н. 4. Угнетать, притеснять, подвергать гонениям.

В процессе поиска языкового материала, репрезентирующего формы насилия, были обнаружены лексемы, обозначающие явления гораздо более сложные и масштабные, из-за чего лексемы не укладывались в предложенную классификацию по видам насилия. В связи с этим была образована отдельная группа лексем, репрезентирующих политико-идеологическое насилие (*вторжение, война, аннексия, интервенция, бомбардировка, блокада, осада, штурм, сегрегация* и т.д.):

Значительное число языковых единиц, входящих в данную группу, предполагает в качестве объекта, на которого направлено репрезентируемое насильственное действие, не лицо, а предмет. С одной стороны, это противоречит обозначенному нами условию, согласно которому, насилем можно считать только действия, направленные на одушевленный объект, однако с другой стороны, здесь также можно говорить о метонимической связи предмета с лицом или группой лиц, законно владеющими этим предметом. Из этого следует, что насильственное действие направлено не на условные крепость, форт или город, а на людей, живущих там или защищающих их.

Можно отметить случаи, когда лексема имеет коннотацию насилия, но ввиду отсутствия одной из обязательных интегральных сем насилия (даже при сохранении двух других) не может относиться к репрезентантам насилия. Например, в лексемах *арест*, *ссылка*, *изоляция*, *санкция*, *репрессия*, *запрет* сохранены семы «принуждение», «общественное неприятие», но отсутствует сема «противозаконность»; в лексемах *кара*, *возмездие* можно выделить сему «принуждение», однако оставшиеся две интегральные семы нивелируются имплицитной семой «справедливость».

Насилие в современном русском языке могут репрезентировать не только имена существительные, но и глаголы, в отношении которых можно применить ту же классификацию, что была предложена ранее:

- физическое насилие (*распятать*, *убить*, *удушить*, *увечить*, *пытать* и т.д.);
- психическое/ эмоциональное/ моральное насилие (*унизить*, *ущемлять*, *дискриминировать*, *шантажировать*, *опорочить* и т.д.);
- сексуальное насилие (*растлить*, *изнасиловать*, *обесчестить* (во 2 знач.));
- экономическое насилие (*воровать*, *грабить*, *вымогать* и т.д.);
- вербальное насилие (*оскорбить*, *осмеять*);
- политико-идеологическое насилие (*свергнуть*, *оккупировать*, *репрессировать*, *вторгаться* и т.д.).

Почти все глаголы, репрезентирующие насильственные действия, являются переходными. В отличие от переходных глаголов любых других лексико-семантических групп, наличие прямого дополнения для глаголов, репрезентирующих насилие, является не просто предполагаемым, а обязательным: он(а) удушил(а)... (кого?), он(а) угнетает... (кого?), он(а) изгнал(а)... (кого?). Функцию прямого дополнения в этом случае будет

выполнять имя существительное или местоимение, обозначающие объект насилия. Без указания объекта использование глагола со значением «насильственное действие» воспринимается недостаточным, требующим логического продолжения.

Глаголами, репрезентирующими насильственные действия, никогда не смогут быть безличные глаголы. Это обусловлено тем, что насильственное действие обязательно должно иметь авторство (т.е. субъект) и направленность на определенный объект (пусть и косвенно). Именно поэтому можно утверждать, что для однозначной квалификации того или иного общественного действия как насилия необходим учет таких составляющих, как «субъект насилия», «наименование насильственного действия», «объект насилия», которые могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно.

Данное утверждение можно доказать примерами, содержащими лексемы *изнасиловать*, *убийца* и *жертва*. Каждая из этих лексем может быть репрезентантом насилия, но только при условии, что контекст, в котором она использована, содержит эксплицитную или имплицитную информацию о двух других компонентах указанной нами цепи, в противном случае о репрезентации насилия говорить нельзя. Ср.:

- Пантюхов напился, поссорился с приятелем, до смерти избил его, *изнасиловал* его жену... [Чудовищный анабазис рядового Пантюхова // «Криминальная хроника», 2003.07.24].
- <...> Лем плюнул на всё, обозвал Тарковского дураком и уехал в родную Польшу. И до самой смерти возмущался тем, как Тарковский *изнасиловал* сюжет его книги. [коллективный. Форум: Переоцененное кино или фильмы, которые тебе нравятся, а мне – нет (2013)]
- Уже набралось семеро, когда в очереди в магазине он услышал бабий разговор, что в городе объявился *убийца*, которого уже десять лет не могут найти, а он, маньяк, убивает только по праздникам, на все красные числа, и что на все праздники мужчин режет, а на Восьмое марта, раз в году, непременно женщину. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]
- Он хороший человек, но он *убийца* времени. [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)]
- Вторая *жертва*, которую смерть настигла дремавшей в комнате на диване, скончалась, видимо, от многочисленных увесистых ударов по

лицу. [В расправе над двумя коммерсантами подозревают женщину // «Вечерняя Москва», 2002.06.13]

- Выходит — и как бы просит прощения за излишне открытые ноги. Она бы и рада одеться скромнее, вот только целомудренная пижама осталась дома. А эта рубашка лишь дотуда, докуда есть. И теперь она — несчастная *жертва* обстоятельств с вызывающе красивыми бёдрами. И сразу видно, какая она незащищённая. [Слава Сэ. Ева (2010)].

Указанную логическую цепочку можно расширить лексемами семантических групп «место, ассоциирующееся с насилием» и «инструмент насилия». Такие языковые единицы, как *тюрьма, пыточная, эшафот, концлагерь, жертвенник, карцер* в своих толкованиях содержат слова, указывающие на непосредственную связь (в том числе и имплицитную) с той или иной формой насилия, но все же считать их лексемами, репрезентирующими насилие, представляется не вполне обоснованным. Они создают иллюзию такой репрезентации, поскольку в языковом сознании говорящего (при наличии определенных знаний) они, скорее, символизируют насилие, нежели чем репрезентируют его.

Подобная особенность наблюдается и у лексем, репрезентирующих в языке инструмент насилия. К ним можно отнести:

- наименования единиц оружия (*мина, граната, пулемет, бомба*);
- наименования боевой техники (*истребитель, бомбардировщик*);
- орудия для пыток, наказания и казни (*виселица, гильотина, кнут, газовая камера, плаха, розги, бич*);
- предметы, созданные с целью ограничения свободы действия человека или животного (*кандалы, оковы, наручники, аркан, клетка, капкан*).

Сами по себе данные лексем не могут репрезентировать насилие, поскольку обозначаемые ими артефакты не могут самостоятельно выполнять тот функционал, ради которого их создавал человек. Во время знакомства ребенка с предметным миром взрослые осуществляют передачу знаний о наименовании предмета и его функции. Формирование понимания будет зависеть от особенностей индивида, его уровня культуры и его принадлежности к определенному социуму. Так формируется представление о том, как можно применить конкретный предмет: для бытовых нужд или же, используя те же самые свойства, применить его как инструмент насилия (*нож, топор, цепь, бритва* и под.).

Вот почему о насилии, репрезентируемом в коннотативном аспекте семантики лексем со значением «инструмент насилия», можно говорить лишь

при наличии информации о субъекте, использующем данный предмет для совершения насильственного действия в отношении одушевленного объекта.

В отличие от имен существительных и глаголов, которые при соблюдении описанных выше условий могут репрезентировать насилие, имена прилагательные и наречия ни при каких обстоятельствах нельзя отнести к репрезентантам насилия. Первые могут только детализировать информацию о субъекте, объекте и форме насилия, вторые – уточнять характер совершаемого насильственного действия, что обусловлено их частеречной особенностью.

Третья глава «Социокультурная детерминация насилия/ненасилия» посвящена изучению того, как включенность индивида в ту или иную социокультурную группу влияет на изменения семантики и прагматики лексем, которые потенциально могут считаться репрезентантами понятия «насилие».

Толковые словари, как правило, дают некое усредненное представление о языковой действительности и употреблении описываемых в словарных статьях лексем. Но общество не однородно, оно представляет собой сосуществование и взаимодействие многочисленных социальных групп, характеризующихся своим взглядом на окружающую действительность, в том числе и языковую, что требует обращения к отраслевым терминологическим словарям как к источнику, отражающему специфический взгляд определенной социальной группы. В параграфах 3.1., 3.2. и 3.3. были проанализированы лексем, имеющие отношение к религиозной, профессиональной и этнической идентичности и репрезентирующие потенциальное насилие в этих сферах на лексико-прагматическом уровне языка. Анализ проводился путем сопоставления экспликаций значений указанных лексем, данных в толковых и отраслевых терминологических словарях и энциклопедиях, с учетом их прагматического значения. Выбор словарей обусловлен стремлением раскрыть специфическую картину мира представителей обозначенных социальных групп. Языковой иллюстрацией послужили примеры, найденные в Национальном корпусе русского языка.

Религиозная сфера общественной жизни была рассмотрена на примерах выдержек из экспликаций значений лексем *шахид, мученик, жертва, жертвоприношение, заклание, обрезание* и *жрец*. Профессиональная сфера – на примере лексем, имеющих отношение к профессии военного (*вторжение, атака, бомбардировка, блокада, итурм, война, камикадзе, оккупация*) и лексем, относящихся к деятельности правоохранительных органов (*арест, задержание, заключение, обыск, досмотр, допрос*). Область этнической идентичности – на примерах лексем *умыкание, кровная месть, вендетта*. Их анализ показал, что экспликации значений, содержащиеся в отраслевых

словарях, во многом неэквивалентны экспликациям значений толковых словарей: наблюдаются расширения и сужения узусуальных значений, а также изменения в семантической и прагматической зонах значения слова. Так, в толкованиях, содержащихся в лингвистических словарях, все отобранные лексемы содержат три интегральные семы насилия и могут считаться его репрезентантами в русском языке. Однако отраслевые словари в абсолютном большинстве случаев содержат толкования, демонстрирующие элиминацию части интегральных сем из плана содержания указанных лексем.

Таким образом, восприятие действий как насильственных/ненасильственных детерминировано в том числе принадлежностью воспринимающего лица к той или иной социокультурной группе, которая отличается особенностями национального и/или религиозного самосознания. На прагматическом уровне языка это выражается в элиминации некоторых базовых интегральных сем, выделенных нами в лексемах – потенциальных репрезентантах насилия. Включенность индивида в ту или иную социокультурную группу детерминирует не только расширение или сужение структуры семантического компонента значения, но и изменения его прагматической зоны. Данные наблюдения позволяют утверждать, что без анализа прагматической зоны значения слова невозможно однозначно заявлять, репрезентирует ли конкретная лексема понятие «насилие» или нет.

Четвертая глава **«Языковое насилие в личностно-ориентированном и институциональном дискурсах»** посвящена возможности языка не только репрезентировать различные формы насилия, но и самому становиться его средством.

Изучение языковых приемов, имеющих потенциал стать средствами языкового насилия, проводилось на уровне личностно-ориентированного (**параграф 4.1.**) и институционального (**параграф 4.2.**) дискурсов. «В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института» [Карасик: 2000].

Возможное языковое насилие в личностно-ориентированном дискурсе рассматривалось на примерах инвектив, пейоративов, дисфемизмов, угроз, навешивания ярлыков и использования императивных междометий. Весь материал, представленный в ходе анализа данного дискурса, был рассмотрен с позиции теории речевых актов. Так, по нашему мнению, языковым насилием можно считать лишь ту ситуацию, когда иллокутивная цель говорящего, заключающаяся в стремлении каким-либо образом минимизировать или подвергнуть деструкции личность адресата, вызывает негативный перлокутивный эффект.

В ходе анализа институционального дискурса были рассмотрены следующие лексемы и сверхсловные единицы, имеющие потенциал стать средствами языкового насилия:

1. Навешивание ярлыков;
2. Переименование населенных пунктов, учреждений и др., ориентированное на ценности, соответствующие идеологии господствующего класса;
3. Творение новых слов и изменение семантики уже существующих;
4. Резкое произвольное обновление языка;
5. Принудительная ассимиляция иностранных имен;
6. Использование специальных художественных средств (сарказм, ирония, метафора и пр.);
7. Использование фразеологических единиц с отрицательной оценкой;
8. Морализирование;
9. Суггестия.

В работе рассмотрено, как перечисленные выше лексемы и сверхсловные единицы реализуются в политическом, идеологическом, массово-информационном, рекламном, педагогическом и административном дискурсах. В данном разделе применение теории речевых актов нам представлялось не вполне обоснованным, поскольку все институциональные дискурсы предполагают непосредственную коммуникацию «агентов» и «клиентов» (в терминологии Карасика В.И.), то есть чаще всего перлокутивный эффект в институциональном дискурсе или сложен для однозначного восприятия, или может не последовать вовсе. Как уже упоминалось, общество характеризуется своей неоднородностью, что обуславливает релятивный взгляд на понимание языкового насилия в любом дискурсе, особенно в институциональном. В связи с этим восприятие используемых в институциональном дискурсе лексем и сверхсловных единиц детерминировано взглядами отдельных социальных институтов и людей, взаимодействующих с ними. Это значит, что о языковом насилии в институциональном дискурсе можно говорить лишь тогда, когда рассмотренные лексемы и сверхсловные единицы используются с целью утверждения собственной власти, разрушения одних убеждений и/или навязывания других.

Проанализировав ряд лексем и сверхсловных единиц, способных выступать в роли средств языкового насилия в личностно-ориентированном и институциональном дискурсах, можно выделить несколько различительных аспектов:

- 1) По нашему мнению, инвективы, пейоративы и дисфемизмы как средства языкового насилия могут использоваться только в лично-ориентированном дискурсе. Это обусловлено сущностью данных языковых явлений, поскольку они обеспечивают диффамационный (порочащий) характер речевого акта и выражают личную негативную оценку говорящего. Мы полагаем, что использование указанных лексем и сверхсловных единиц в институциональном дискурсе переводит коммуникативную ситуацию из социально-ролевой модели взаимодействия в лично-ориентированную.
- 2) В рамках институционального дискурса языковое насилие может причиняться средствами, недоступными отдельным индивидуумам (например, переименование объектов инфраструктуры, творение новых слов и изменение семантики уже существующих, резкое произвольное обновление языка, принудительная ассимиляция иностранных имен и др.).
- 3) В лично-ориентированном дискурсе насилие причиняется ограниченному числу людей, а в институциональном дискурсе – от отдельной социальной группы до целого государства. Данное различие наблюдается независимо от того, какими языковыми средствами реализуется насилие.

В ходе изучения лично-ориентированного и институционального дискурсов нами не были установлены отдельные лексем и сверхсловные единицы, которые могут при любых обстоятельствах считаться средствами языкового насилия.

**В заключении** обобщаются основные результаты исследования.

Содержание работы соответствует пунктам 4, 7, 10 перечня направлений исследований научной специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России, поскольку: в работе рассматривается понятие «насилие» на лексико-прагматическом уровне языка, анализируются особенности функционирования лексических единиц, имеющих коннотацию насилия, изучается их семный состав и связи с внеязыковой действительностью (п.4); описаны особенности реализации языкового насилия в разных дискурсивных практиках (п.7); изучается культурно и национально обусловленная специфика репрезентации понятия «насилие» в русском языке (п.10).

Наиболее значимыми выводами диссертационного исследования можно считать следующие:



1. В семантике лексемы «насилие» и языковых единиц, входящих в одноименное семантическое поле, эксплицитно или имплицитно выделяются три базовые интегральные семы: «принуждение», «противозаконность», «общественное неприятие».

Вместе с этим для однозначной квалификации того или иного общественного действия как насилия необходим учет таких составляющих, как «субъект насилия», «наименование насильственного действия», «объект насилия». Каждое из них может быть выражено как очевидным образом, так и неявным способом.

2. Восприятие действий как насильственных/ненасильственных детерминировано в том числе принадлежностью воспринимающего лица к той или иной социокультурной группе, которая отличается особенностями национального и/или религиозного самосознания. На прагматическом уровне языка это выражается в элиминации некоторых базовых интегральных сем в лексемах – потенциальных репрезентантах насилия. Таким образом, без анализа прагматической зоны значения слова невозможно однозначно заявлять, репрезентирует ли конкретная лексема понятие «насилие» или нет.
3. Отдельные лексемы и сверхсловные единицы, которые могут при любых обстоятельствах считаться средствами языкового насилия, отсутствуют.
4. Лексическая репрезентация насилия в современном русском языке имеет относительный характер.

**Список литературы** включает в себя четыре раздела: «словари и справочники», «монографии и статьи», «интернет-источники», «периодические издания». Всего 167 наименований.

### **Список публикаций по теме диссертации**

*Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации:*

- 1) Еленская К.В. Культурная детерминация насилия/ненасилия // Казанская наука. №6 2019г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019 – 134, С. 40-42 (0,25 п.л.);
- 2) Еленская К.В. Лингвистический паспорт лексемы ‘насилие’ // Преподаватель XXI век №4, 2020, С. 386-392 (0,49 п.л.);
- 3) Еленская К.В. Изменения в русской языковой картине мира (на материале неологизмов, репрезентирующих насилие) // Казанская

наука. №5 2021г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2021 – 128, С. 38-40 (0,26 п.л.);

- 4) Еленская К.В. Компонентный анализ ключевых составляющих семантического поля «насилие» в современном русском языке // Казанская наука. №3 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022 – 206, С. 48-50 (0,24 п.л.);
- 5) Еленская К.В. О семантико-прагматическом содержании лексем, выражающих насилие/ненасилие в социокультурном поле (на примере слов, имеющих отношение к религиозному культу) // Казанская наука. №5 2022г. - Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022 – 212, С. 42-44 (0,24 п.л.).

*Статьи в других научных изданиях:*

- 1) Еленская К.В. Языковые средства политического насилия // Семантика и прагматика языковых единиц : Материалы Международной научной конференции, Калуга, 20–22 сентября 2019 года. – Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, 2019. – С. 56-66 (0,46 п.л.).
- 2) Еленская К.В. Подвиг как акт оправдываемого насилия // Богословско-исторический сборник №15, 2019 - С. 121-124 (0,17 п.л.);
- 3) Еленская К.В. Конструирование квазидействительности и формирование квазиоценок как форма латентного идеологического насилия (на материале учебников РКИ) // Вестник Калужского университета, №1, 2021 – С. 37-40 (0,38 п.л.).
- 4) Еленская К.В. Языковая репрезентация насилия в художественном тексте (на материале романа Дж. Фаулза «Коллекционер») // Вестник Калужского университета, №2, 2021 – С. 9-11 (0,27 п.л.).

Общий объем публикаций по теме диссертации составляет 2,76 п.л.